

WORLD
OF
WARCRAFT
WARLORDS of DRAENOR

Адский крик

Роберт Брукс

Часть первая

Гаррош пристально всматривался в простирающиеся перед ним просторы Награнда. Вот уже много дней ему на глаза не попадалось ни одного разведчика из клана Песни Войны. Да и откуда бы им тут взяться? Холм, на котором он обосновался, находился на самой границе территории клана, и в мирное время посылать сюда патрули было незачем. Набега огров стоило ждать с запада. Орков других кланов — с востока. Как помнил Гаррош, в это время года даже охотиться здесь толком было не на кого.

Когда в последний раз он поднимался на вершину этого холма, то был еще очень юн и...

Хотя нет, не так. Никогда в своем детстве Гаррош не поднимался на этот холм, не лазил по этим деревьям, не чувствовал, как пружинит под ногами эта трава. Тогда это был совсем иной мир.

Кайроздорму предупреждал, что здесь их будут ожидать некоторые сюрпризы. «Я всю свою жизнь изучал временные потоки. Если захочешь сосчитать и сравнить все стебельки травы, то вскоре лишишься рассудка, — сказал он тогда. — Для успеха моего плана требуются... благоприятные условия. И они тут есть. Нынешнее время нам идеально подходит. Безусловно, не безупречное отражение действительности, но все же близко к идеалу».

А вот это еще неизвестно. Гаррош прикрыл ладонью глаза от светящего прямо в лицо закатного солнца и обратил взор на раскинувшиеся внизу земли. По крайней мере, он был уверен, что этот холм безопасен для привала. Обширные

луга, поросшие сочной зеленью, позволяли заметить любого незваного гостя задолго до того, как тот бы увидел Гарроша.

За его спиной лежал Кайроз. Он лениво развалился на спине возле едва тлеющего костра и внимательно рассматривал большой зазубренный осколок искривленного стекла, который держал в руках. Отблески костра и лучи закатного солнца играли бронзовыми бликами на гладкой поверхности.

— Ты подумал о том, что я тебе говорил, Адский Крик? И так уже упущено немало времени...

Гаррош резко развернулся, пронзая спутника грозным взглядом:

— Не называй меня так. Нигде. Никогда.

Кайроз неловко сел. Бронзовый дракон все-таки еще неуверенно чувствовал себя в новом орочьем обличье.

— Не называть? Но ведь именно твое родовое имя должно привлечь внимание клана Песни Войны. И помочь нам сдвинуться с мертвой точки.

— Мертвым могу стать я, когда Кровавый Вой перерубит мне горло. И тебе заодно, — ответил Гаррош.

Кайроз усмехнулся. Эта гримаса была больше присуща кель'дораю, не орку.

— Твой отец со своим грозным оружием меня не достанет. Если только он не умеет летать.

Гаррош не ответил. Надеюсь, ты явишь свой драконий облик перед Громмашем Адским Криком. Очень надеюсь.

Кайроз положил осколок на колени. Даже это простое движение вышло у него неестественно.

— Итак. Ты решил?

— Да.

— И?

Ровным голосом Гаррош произнес:

— Нам пора разделиться.

— Вот как? — с нервным смешком заметил Кайроз, — не припоминаю, чтобы я предлагал такой вариант.

— Может, ты и выглядишь как орк, но ведешь себя точно не по-орочьи. Тебя обязательно раскроют. Я пойду один, — сказал Гаррош.

— Ясно. И когда мы снова будем вместе? — ухмылка Кайроза стала шире.

— Кто знает? Когда для этого придет время.

— То есть никогда, — Кайроз покачал головой. — Ох, Гаррош, Гаррош... Ты никогда не умел притворяться. Так что и пробовать вряд ли стоит.

Гаррош еле удержался от грубого ответа.

— Хорошо, — его голос звучал совершенно спокойно, — скажу прямо: моя Орда не нуждается в помощи дракона.

— Мм-м... Твоя Орда? — Кайроз медленно поднялся, бережно удерживая в руке осколок. — Твоя Орда тебя свергла. Без меня ты бы сейчас до сих пор гнил в тюрьме. У тебя нет никакого права прогонять меня, — самозванный орк склонил голову на бок. — И если ты не хочешь слушаться меня по-хорошему, я могу заставить тебя пожалеть о том, что сейчас ты не ждешь в своей камере палача, который оборвет твою жизнь милосердным ударом топора.

Свободная рука Кайроза скрывалась за широким кушаком — единственной деталью гардероба, оставшейся от одеяния высшего эльфа. До Гарроша донесся слабый звон металла. Что это, оружие?

Гаррош ощутил прилив ярости. Мысли стали четкими и ясными, а мир вокруг как будто заиграл новыми красками. Он шумно выдохнул.

— Мой народ заслужил больше, чем дала ему судьба. И я это исправлю. Без тебя, — сказал Гаррош.

— Ты мне не указ, — начал Кайроз. — Я...

Довольно. Гаррош с места бросился вперед, а его боевой клич прогремел над холмами. В три прыжка он перемахнул через костер, схватил Кайроза за горло и приподнял над землей.

В глаза ударила вспышка бронзового света. В руке Кайроза замерцал тот самый осколок стекла, который он разглядывал.

Гаррош невольно зажмурился. Когда он открыл глаза, его руки сжимали пустоту. Костер опять горел на расстоянии трех шагов, будто Гаррош и не двигался с места. Кайроза нигде не было видно. Орк растерялся. И тут чья-то рука змеей обвилась вокруг его шеи, и Гарроша сбили с ног.

Мир перевернулся вверх тормашками. Холодный металл — такой знакомый и зловещий — защелкнулся на обоих запястьях.

Удар вышел сильным. Коленом Кайроз пригвоздил Гарроша к земле, в то же время сдавливая шею рукой.

— Думаешь, раз я теперь смертный, значит, слабый? — прошипел Кайроз. — Запомни, ты больше не вождь, Адский Крик. Ты свободен только потому, что я так хочу. И жив только потому, что я так хочу. И ты присоединишься к отцу и объединишь старые кланы орков, потому что я так хочу. Слышишь?

Орочья голова Кайроза исчезла, теперь на его плечах красовалась огромная ящероподобная морда. Бездонные глаза бронзового дракона сверкали около самого лица Гарроша.

— Ты пешка в шахматной партии. И больше никто. Или ты делаешь то, что требуется, или тебя убирают с доски.

Гаррош оскалился в бессильной ярости. Его запястья были скованны теми же кандалами, что были на нем, когда он бежал с того представления, которое называлось судом. Теперь он понял, почему тогда Кайроз так аккуратно их снял, а не разбил.

Кайроз хотел, чтобы кандалы всегда были под рукой. И он прятал их до поры до времени. Он предвидел конфликт. Нет, он сам его спровоцировал.

Медленно, борясь с переполняющим его гневом, Гаррош восстанавливал дыхание, а вместе с ним – способность трезво мыслить. Итак, вдох-выдох, вдох-выдох... Глупец. Ты клюнул на его наживку. Не попадись на ту же удочку. Красная пелена спала с глаз. Когда он наконец заговорил, голос его звучал натянуто, но спокойно:

— Если бы я не был тебе нужен, дракон, ты бы бросил меня в Пандарии. Так что оставь пустые угрозы.

Пасть ящера растянулась в улыбке:

— Уговорил. Но лишь до тех пор, пока мы делаем одно дело.

К Кайрозу полностью вернулся облик орка. Он поднялся и отступил от Гарроша.

— Я все понял, — Гаррош перекатился на живот и, опираясь на скованные руки, встал, — уж поверь.

Когда он поднимался, в грязи что-то сверкнуло. Рядом лежал осколок стекла, оброненный в ходе схватки. Кайроз указал на него:

— Подбери.

Гаррош глянул на осколок.

— Сам подбирай свои игрушки.

— Теперь он твой, — Кайроз произнес это так, словно обращался к капризному ребенку. — Он тебе понадобится.

Гаррош вновь посмотрел на осколок, но не сделал ни одного движения. Изогнутое стекло пульсировало, мерцая слабым бронзовым светом – точно такой же он видел, когда дракон избежал его хватки. Зазубренные острые края поблескивали. И как, интересно, поднять такой осколок руками в кандалах и не рассечь при этом ладони.

— Я помню, ты говорил, что в нем больше нет силы.

— Я сказал, что он лишь потерял силу, которой обладал когда-то. И это вовсе не значит, что в нем не осталось никакой силы, в чем ты сам только что убедился, — ответил Кайроз. На его лице вновь появилась кривая ухмылка.

Гаррош поднял скованные руки:

— А как насчет этого?

— Да я смотрю, это весьма действенная мера, а? Кандалы на тебе останутся до тех пор, пока ты не убедишь меня, что знаешь свое место, — Кайроз вернулся к костру и принялся носком ноги закидывать грязью тлеющие дрова. — Подбери. Его.

Вдох-выдох. Не ведись на его уловки. Гаррош осторожно поднял осколок, удерживая его в ладонях. Тогда, на суде, видение времени было еще целым – и его украшали две фигурки бронзовых драконов. На осколке осталась голова и шея одного из них. Удобная ручка.

— Полагаю, на меня его силы не действуют, — натянуто произнес Гаррош. Иначе ты бы не позволил мне к нему прикоснуться. От этой мысли еле сдерживаемый гнев Гарроша вновь накрыл его удушающей волной.

— Совершенно верно. Смотри, не потеряй эту вещицу. А то я сильно расстроюсь, — сказал Кайроз. Он отошел от огня, сорвал лист с низко свисавшей ветви дерева и неспешно растер его между пальцев в зеленую кашицу. — Ты верно подметил, Гаррош. Ты и я. Мы оба здесь чужаки. Возможно, и правда нам лучше присоединиться к клану Песни Войны поодиночке. И даже с разницей в несколько месяцев. Тогда твои орки с меньшей вероятностью смогут предположить, что мы... сговорились. Как бы примитивен в этом мире ни был твой народ, вы же имели какое-то представление о сверхъестественном, да? Нам подойдет, например, шаман. Да любой болван с толикой способностей сможет наладить связь с той вещицей, что у тебя в руках. И этого должно хватить, чтобы мельком увидеть наш Азерот, да и отблески других миров. Как только ты убедишь орков присоединиться к твоей идеальной Орде и захватить все, докуда простирается взгляд, тогда появлюсь я. Просто еще один орк, стремящийся к новой цели своего народа, — Кайроз широко развел руками. — Я открою новые невероятные возможности этого осколка. С его помощью мы попадем в любой мир, какой только пожелаем.

— Меня интересует лишь один, — процедил Гаррош.

— Это все потому, что ты никогда не видел всей картины целиком, одни лишь фрагменты. Ты хочешь одну Орду, свободную от демонической скверны. А я желаю большего. Мы можем создать бесконечное количество Орд...

Гаррош расхохотался.

Кайроз опустил руки. Его глаза сузились и потемнели:

— Ты мне не веришь?

Гаррош не отвел взгляда.

— Песочные часы разбились, когда переносили нас сюда. Я видел их осколки на полу пандаренского храма, — он поднял осколок. — Может, ты и наловчился показывать с помощью этой штуки пару фокусов, но не надо меня убеждать в том, что это все еще видение времени.

— Подумай хорошенько, Адский Крик, — ласково проговорил Кайроз. — Поскольку большая часть осколков песочных часов осталась в Азероте, этот осколок резонирует с нашим временным потоком. Считай это отголоском... отблеском времени.

— Мы можем вернуться, — Гаррош почувствовал, как сердце бешено заколотилось, а по коже побежали мурашки. В голове начал складываться некий план. — И не просто в Азерот. Мы можем вернуться назад — в наше время.

— И это только начало, — сказал Кайроз. Он повернулся и взмахом руки указал на солнце, почти уже скрывшееся за горизонтом Награнда. — Сначала Азерот. Затем другие миры. Все миры. Столько, сколько нам потребуется, — бронзовый дракон рассмеялся. — Мы ничем не будем связаны. Даже временем. Это бесконечные возможности. Я стану бесконечным...

Три стремительных шага — и Гаррош вонзил осколок в спину Кайроза.

Смех сменился криком. Зазубренное стекло с легкостью разорвало плоть, не сломалось даже когда прошло сквозь мышцы и скользнуло по кости. Закованными в кандалы руками Гаррош крепко держал осколок за остатки бронзовой фигурки.

Осколок наполнился силой. Бронзовая чешуя на коже Кайроза то появлялась, то исчезала. Он изо всех сил старался воспользоваться силой осколка, пытался вернуть себе драконий облик. Ничего не получалось.

Гаррош слету толкнул Кайроза на землю и сам следом повалился на него, раскроив противнику острым стеклом плечо до ключицы. Затем вытащил осколок из тела. Крики перешли в оглушительный визг. С виду орочьи, но на самом деле слабые руки беспорядочно колошматили воздух в бесплодных

попытках оттолкнуть Гарроша. Орк склонился к самой морде бронзового дракона и, глядя тому в глаза, вонзил осколок прямо ему в горло. Визг захлебнулся и перешел в бульканье.

Гаррош крепко-накрепко держал свое импровизированное оружие, не обращая никакого внимания на потоки энергии, которыми пульсировало стекло. Он не мог отвести взгляд от Кайроза, в глазах которого отражалось неподдельное изумление.

— Все, хватит, — сказал Гаррош. — Хватит кукловодов, скрывающихся в тени. Хватит льстивых речей, предлагающих порочную силу. Хватит с нас тебе подобных. Орки станут свободными от всех господ.

Гаррош замахнулся и вонзил осколок Кайрозу в грудь, потом еще раз и еще. На землю хлынула кровь. Не кровь орка. Не кровь любого другого существа, когда-либо жившего в этом мире, но земля примет и ее.

Наконец он выдернул из тела осколок и поднялся.

Кайроз бился в конвульсиях. Гаррош наблюдал за этим даже с некоторой долей любопытства. Он никогда прежде не убивал бронзового дракона. Стекло дрожало в руке, пульсируя в такт последним ударам драконьего сердца. Бронзовый туман, плотный, словно состоящий из песчинок, начал подниматься над Кайрозом. Он не рассеивался как дым, а собирался в тонкую как веревка струйку и, закручиваясь вихрем, исчезал в никуда, будто что-то высасывало его из этого мира.

Когда бронзовый туман пропал, осколок затих. Глаза Кайроза были широко распахнуты, он не дышал. Гаррош выжидал. Он должен был знать наверняка. Через несколько минут орк удовлетворенно кивнул, а потом проворчал:

— Слишком легкий конец. Такого ты не заслуживал.

Труп он оставил лежать на холме. Если на него кто-нибудь вдруг набредет, то подумает лишь о том, что вот – тут лежит орк, повздоривший с тем, с кем ему явно не стоило связываться.

С другой стороны – а разве так и не было? Гаррош улыбнулся.

Неподалеку журчал маленький ручеек. Гаррош умылся сам и смыл кровь с осколка. Его запястья все еще сковывали кандалы, кожа под ними уже стерлась и саднила. Но ничего не поделаешь. Ключ от оков остался за много миров отсюда.

Так что же теперь? В голове мелькал калейдоскоп мыслей. Кайроз был прав: притворяться Гаррош совсем не умел. Замутишь слишком хитро, попадешься на интригах, и отец мигом снесет тебе голову. Громмаш Адский Крик никогда не был глупцом.

Не был?

Липкий страх предательски выполз откуда-то изнутри. Гаррош тогда был так мал. Он едва помнил отца. Что если он совсем не тот орк, каким я его себе представляю? Громмаш Адский Крик поддался обману и поневоле стал рабом демонов. В конце пути он искупил свою ошибку, доказав силу духа, но он не был непогрешим.

Уже многие дни Гарроша терзали подобные мысли, но он так и не нашел правильного ответа на главный вопрос. Как убедить одного из сильнейших орков, которых только знал мир, в том, что он слаб?

Угасли последние лучи солнца. А Гаррош все так же безмолвно сидел у ручья. Возможно, ему стоит подождать. До лагеря Песни Войны несколько часов пешего хода, а кандалы и осколок явно выдадут в нем чужака. Куда безопаснее прийти завтра или послезавтра, чем являться посреди ночи.

Нет, решил он. Хватит ждать. Он завернул осколок в кушак Кайроза и заткнул его за пояс. Либо Громмаш разглядит силу в сердце Гарроша... либо нет.

Гаррош отправился в путь. К восходу станет известно, останется он жить и присоединится к отцу или же примет смерть от его руки.

— Лок'тар огар, — прошептал он.

Часть вторая

— Адский Крик.

Мне конец...

— Вождь Адский Крик!

Покончи с этим...

Громмаш Адский Крик открыл глаза. Его шатер как всегда был пуст, но он опять тянулся через всю подстилку из шкур, служившую ему постелью, чтобы обнять ту, которой больше никогда не будет рядом. Все, как всегда.

Снаружи опять раздался голос:

— Вождь Адский Крик!

Он прорычал что-то неразборчивое себе под нос и успокоился. В конце концов, это был голос не из ночного кошмара.

— Войди, — разрешил он.

Бронник клана Песни Войны зашел внутрь.

— Вождь, укротитель волков Ригло оскорбил меня. И теперь каждый из нас хочет доказать свою силу в мак'роган.

Громмаш зажмурился и открыл глаза, окончательно прогнав остатки сна.

— Вы же оба сражались только вчера, — ответил он.

— Так это с другими. А сегодня он поставил под сомнение мою честь, и я докажу ему обратное. Больше он не посмеет говорить о...

Опять одно и то же, опять. Бесконечно.

Громмаш потер лоб и прервал поток сбивчивых объяснений:

— Хорошо. Деритесь. На закате, — он глянул на приоткрытый полог шатра. Уже была ночь. Он проспал весь день. — Нет, готовьтесь сейчас. Начнете, когда я подойду.

— Да, вождь Адский Крик, — бронник ушел.

«Вот именно это и плохо в мирное время», — подумал Громмаш. Многие из этих орков рождены не в клане Песни Войны. Они слетелись под знамя Адского Крика в поисках войны и славы и на какое-то время обрели искомое. Теперь их враги повержены. Даже враждебные орочьи кланы не спешили воевать друг с другом благодаря предупреждению Гул'дана о внешней угрозе. Пока кланы не решат, какие военные действия предпринять против нее, нет смысла сражаться. Но многие никак не могли найти себе другое применение.

Мак'роган. Это вовсе не способ улаживать мелкие свары. Громмаш глубоко вздохнул и поднялся, застегивая наручи.

— Глупцы, — прошептал он и тут же пожалел об этом.

Они не были глупцами. Не больше чем он. Он понимал, какое смятение охватывает воинов в мирное время, как прошлое давит на сознание тех, кто вынужденно сидит сложа руки. Если слишком долго терзать себя сожалениями, твоя воля слабеет. «Сожаление есть слабость», — напомнил себе Громмаш. В клане Песни Войны нет места слабости, тем более в сердце вождя. Удовольствие, пусть от бессмысленной, но все-таки драки пойдет на пользу и ему.

Подари мне, битва, смерть, какую я заслуживаю...

Кровавый Вой, топор рода Адского Крика, лежал рядом с постелью. Он уже давно не вкушал крови, и вряд ли ему удастся сделать это сегодня. И все же Адский Крик закинул топор на плечо и отправился к бойцовой яме. Толпа уже собралась — конечно же, далеко не весь клан. Лишь десятая часть десятой части уже вернулась с охоты, и лишь некоторых интересовало то, что произойдет в яме.

И все же вокруг столпилось достаточно народа, чтобы обступить ограждение и загородить обзор. Наконец Громмаш добрался до места вождя. Бронник и укротитель волков уже были внизу, готовые к сражению. Они поприветствовали его.

Толпа затихла.

— То, что я должен сейчас сказать, вы слышали неоднократно, — громко произнес Адский Крик с едва заметным раздражением. — Лишь орки с истинно железной волей имеют право называться воинами клана Песни Войны.

Разве ты не видишь? Уже слишком поздно...

Голос Адского Крика перерос в рык:

— Но вы уже доказали, что достойны. Так докажите это снова. Начинайте!

Два орка бросились друг на друга, яростно нанося удары, ловко уклоняясь от захватов и стремясь разорвать друг друга.

Толпа ревела, стучала и бряцала оружием. И этого гама было достаточно, чтобы заглушить голос, звучавший в воспоминаниях вождя.

Громмаш сел, положил топор на колени и скрестил руки на груди. Спустя пару минут укротитель со всей силы ударил бронника в висок, и бой закончился. Победитель расхаживал по арене с самодовольным видом, наслаждаясь восхищением собравшихся. Побежденный лежал без сознания.

В общем и целом, все как обычно. Все по законам клана Песни Войны.

— Отличная драка. Никто не сдался. Честь укротителю волков за победу! И честь броннику за волю сражаться до конца, — подытожил Громмаш. — Вволю напейтесь сегодня. Вы оба доказали, что обладаете сердцами воинов клана Песни войны.

«Уже, кажется, восьмой раз за последние две недели», — добавил он про себя.

Два орка вытащили бронника из ямы и парой пощечин привели его в чувство. Тот стоял, пошатываясь, но пребывал явно в хорошем настроении. На этот раз все кости были целы.

Народ не расходился, все жаждали еще одного боя. Громмаш был согласен с ними. Одного боя недостаточно, чтобы заглушить боль прошлого.

Громмаш поднял вверх руку, сжатую в кулак, и толпа повернулась к нему.

— Кто еще? — спросил он. — Кто еще хочет показать мне отвагу воина клана Песни войны?

Некоторые подняли над головой обе руки, они сотрясали кулаками и громко рычали, пытаясь привлечь к себе внимание Громмаша. И тут один из орков растолкал толпу и выпрыгнул на арену.

— Я! — крикнул он.

Громмаш улыбнулся. Когда остальные лишь просят, этот уже действует. Вождь не смог сразу вспомнить имя орка, было уже слишком темно, а несколько факелов вокруг бойцовой ямы не давали достаточно света. Громмаш прищурился, вглядываясь в лицо. Странно. Оно казалось ему знакомым, но имя никак не приходило на ум.

Толпа начала перешептываться:

— Кто это?

Никто не знал. Шепот стал громче.

Что-то было не так. Громмаш подался вперед, рассматривая смельчака. Много было не так. Запястья странного орка сковывали кандалы. Такой одежды Громмаш никогда раньше не видел, ни ткань, ни покрой не были ему знакомы.

Темная тень покрывала массивную челюсть орка, однако то была не щетина, а татуировка, татуировка вождя, выполненная невероятно искусно.

Зрителей охватило беспокойство. Те, у кого было оружие, крепко сжали его в руках, над кланом Песни Войны повисла зловещая тишина. А на дне ямы с легкой улыбкой на лице гордо стоял одинокий орк, наслаждаясь всеобщим замешательством.

Громмаш положил ладонь на рукоять Кровавого Воя. Он научился доверять своему внутреннему голосу, и сейчас тот просто возопил, что этот орк опасен, он чужак, его не должно здесь быть. Кто это — убийца? Если так, какой надо обладать наглостью и глупостью, чтобы ступить в бойцовскую яму, окруженную вооруженными орками клана Песни Войны, да еще и со скованными руками.

Громмаша охватило знакомое предвкушение схватки, это же почувал и его топор, уже давно не пивший крови.

Но все же тот самый внутренний голос побудил в нем и любопытство. Почему мне так знакомо его лицо?

— Ты заявляешь, что обладаешь сердцем воина клана Песни Войны? — спросил Громмаш.

— Да, — звучным голосом ответил орк, обращаясь не только к Громмашу, но и ко всем остальным.

— Назови свое имя.

Орк задрал вверх подбородок:

— Я пришел сюда как чужак, им я и останусь.

Некоторое время Громмаш молча изучал незнакомца.

— У тебя нет клана, чужак? Нет рода? Нет легендарного имени, полученного после громких побед на полях сражений? — в его голосе сквозило легкое презрение, и напряженный смех прокатился по толпе.

— Легенды лишь слова, а слова — это ветер, — ответил чужак. — Только поступки свидетельствуют о том, что мы храним в наших сердцах.

— Но, даже немного рассказав о себе, ты прольешь свет на многие вопросы, — Громмаш указал на оковы незнакомца. — Какой же клан ты разгневал, чтобы заработать это? И когда ты сбежал? Быть может, за тобой гонится целый отряд преследователей, и они уже готовы напасть на мой лагерь. Что на это скажешь, чужак? — он обратил свой взор на толпу, уже не скрывая охватившей его ярости. — А главное, как ты пробрался сюда? Кто из вас, вместо того чтобы смотреть в оба в дозоре, пришел таращиться на бой? Выйти вперед! — его рев разнесся по всему лагерю. Смех затих.

Четыре орка, неуверенно выдвинулись к краю ямы. Их шаги оглушительно прозвучали в наступившей тишине. На лицах орков отражалось чувство вины, но они не опустили головы и назвали свои имена. Громмаш медлил. Он ждал до тех пор, пока на лбах штрафников не выступили капли пота.

— Сердце воина клана Песни Войны ничего не значит, если у тебя мозги огра, — сказал он в полголоса. — Вы позволили чужаку проникнуть в наш лагерь. Будет справедливо, если вы разделите его судьбу, какой бы она ни была. Согласны?

— Да, вождь Адский Крик, — ответствовали провинившиеся.

Громмаш еще больше понизил голос:

— Тогда присоединяйтесь к нему. — Поколебавшись, орки все же спрыгнули вниз без лишних слов. Чужак отступил, освободив вновь пришедшим место. Те одарили его взглядами полными ненависти. Даже не моргнув, он ответил им тем же.

— Чужак. Ты утверждаешь, что у тебя нет клана? — спросил Громмаш.

— Я уже сказал — мое сердце принадлежит Песне Войны. Однако у меня нет клана, — сказал он.

Громмаш потер подбородок:

— Поэтому и такая татуировка? У тебя нет клана, значит, ты сам себе вождь?

В толпе вновь засмеялись. Чужак даже не улыбнулся.

— Это метка из прошлого. Всего лишь шрам. Не более.

— Мои воины не отвечают на мои вопросы загадками, пытаюсь уйти от ответа, чужак. И ты не настолько умен, чтобы обойти это правило, — гневно рыкнул Громмаш. — Отвечай прямо. Зачем ты здесь?

Чужак улыбнулся:

— Ты не первый, кто сегодня меня об этом спрашивает, — он на мгновение опустил голову, собираясь с мыслями. Когда же он поднял ее, от улыбки не осталось и следа. В его глазах читалась твердая уверенность. — Громмаш Адский Крик, я много странствовал и многим пожертвовал, чтобы встретиться с тобой. Я здесь затем, чтобы бросить вызов судьбе, предначертанной тебе и всем оркам.

— И что же это за судьба?

— Рабство. Потеря наших душ и всего, что делало нас великими, — отвечал чужак без тени сомнения.

Воины клана Песни Войны смотрели на Громмаша, ожидая его реакции. Долго ждать не пришлось.

Вождь оглушительно расхохотался. Напряжение спало, весь клан залился смехом вместе с ним. Даже орки на арене не остались безучастными. Молчал только чужак. «И я еще считал, что он опасен», — с неким сожалением подумал

Громмаш. Когда все более-менее успокоились, Громмаш встал, держа в руках Кровавый Вой.

— Некоторые, возможно, считают, что ты заслуживаешь смерти за такие слова, чужак. Я же скажу так: нет чести в том, чтобы убивать безумцев, — произнес Громмаш. А провинившимся оркам на арене он велел: — Отведите его в кузню. Снимите кандалы, накормите и напоите, а затем выдворите вон отсюда. Вас же наказывать я не стану. — Четверо орков с облегчением вздохнули. — Пожалуй, на вас лежит только часть вины. Если бы вы заметили чужака, то наверняка бы убили, но духи, как известно, покровительствуют глупцам. Уведите его и накрепко усвойте сегодняшний урок. Больше такие ошибки прощаться не будут.

Четыре орка повернулись к чужаку.

— Думаешь, я лгу? — спросил тот, отступая на шаг.

— Нет, — мягко ответил Громмаш, — я думаю, ты повредился рассудком. Клан Песни Войны не сдаётся. Рабство никогда, ни при каких обстоятельствах не может стать нашей судьбой. Даже проиграв, даже в плену мы сражаемся до самой смерти.

Один из воинов схватил чужака за руку. Орк принял стойку и замахнулся. Удар пришелся прямо в челюсть стражника и отбросил его назад. Остальные приготовились к нападению.

— Стоять! — взревел Громмаш. Орки замерли на месте. — Чужак, ты испытываешь мое терпение. Клан Песни Войны не отличается милосердием даже по отношению к глупцам.

Незнакомец не собирался сдаваться.

— Путь к рабству Песни Войны лежит не через войны и поражения. Вы примете свою судьбу добровольно, более того — с радостью, — громко провозгласил он. — И именно ты, Громмаш Адский Крик, станешь первым, кто

подчинится новым хозяевам орков. Все остальные последуют за тобой. И мы уже никогда не сможем встать с колен.

Когда он замолк, вокруг царила мертвая тишина. Был слышен лишь шелест ветра, гуляющего по палаткам клана Песни войны, да потрескивание факелов у ямы.

Чаша терпения Громмаша переполнилась.

— Мало того, что твои глупые пророчества абсурдны, так ты еще и оскорбил мою честь, — глаза вождя налились кровью. — Но, как ты сам заметил, слова — это ветер. Лишь поступки имеют значение. Ты когда-нибудь слышал о мак'роган, чужак?

Орк в кандалах наклонил голову и беззвучно прошептал: «Дуэль воли».

— Я знаю, что такое мак'гора. И очень хорошо знаю. А чем они отличаются? — спросил он.

— Мак'гора — это бой до смерти, — ответил Громмаш. — А мак'роган — демонстрация кто чего стоит для воинов клана Песни войны. Они выходят на арену и дерутся до тех пор, пока могут. Сдаваться нельзя. Щадить нельзя. Стремление выжить, преодолев любую боль, — вот что такое мак'роган. Кто не выдерживает, того изгоняют навсегда. И только так ты можешь доказать, что у тебя сердце орка Песни Войны. Наш клан больше не потерпит слабости.

— Больше? — переспросил чужак.

Подари мне, битва, смерть, какую я заслуживаю...

Громмаш отбросил прочь воспоминания.

— Если твои слова правдивы, сражайся. Защити свою честь.

Чужак мельком глянул на свои скованные руки и ответил:

— Я принимаю вызов.

— Превосходно. Мак'роган — бой не до смерти, но бывает всякое, — сказал Громмаш. — Ты оскорбил не только меня, ты оскорбил весь клан Песни Войны. Быть может, вы — четверо на арене — захотите отстоять нашу честь.

— Мы принимаем вызов! — тотчас взревели орки. Глаза чужака слегка расширились.

— Начинайте, — почти ласково разрешил Громмаш, садясь обратно на свое место.

И они начали.

Часть третья

Четыре здоровенных орка Песни Войны разом бросились на Гарроша. Он сильно ударился, когда упал на спину, рыча и прикрывая лицо скованными руками. Его били кулаками и пинали ногами под одобрителный рев зрителей.

«Всякое бывает», — так сказал его отец. И вот сейчас это «всякое» и должно было произойти. На спине за поясом у Гарроша был припрятан осколок стекла — он причинял сильную боль, впиваясь в тело, несмотря на то, что был обернут тканью. Искушение его достать было велико... но нет. Нет. Это бы не помогло. Достать такое оружие — бесчестье, и это неминуемо привело бы его к позорной смерти.

Гаррош почувствовал, как пробудилась привычная, хорошо знакомая жажда крови, но он старался не поддаваться искушению. Четверо против одного — да, но тут дело было не только в силе. Он катался из стороны в сторону так, чтобы удары противников приходились по мышцам, а не по костям. И это работало, хотя вскоре все же острая боль пронзила все тело.

Однако ребра были целы. Удалось избежать ударов по челюсти и вискам.

Нападавших охватила ярость. Орки наносили удары с такой мощью, словно каждый должен был стать смертельным. Они попусту тратили свои силы.

Гаррош продолжал уворачиваться, избегая ударов, которые могли бы нанести серьезные повреждения и превратить его в беспомощную тряпку. Он продолжал сражаться.

Он слишком далеко зашел, чтобы так просто умереть сейчас.

Один из орков Песни Войны нацелился ногой ему в голову. Он явно следовал некоему ритму. Бум. Бум. Бум. Как предсказуемо! Гаррош вытянул руку и обмотал цепью, сковывающую его запястья, лодыжку орка.

Гаррош улыбнулся.

* * *

Громмаш покачал головой и повернулся к воину Песни Войны, стоящему слева от него:

— Избавьтесь от тела сразу, как только все закончится. Может, он и спятил, но не исключено, что для кого-то он много значил. Лучше избежать возможной кровной мести из-за глупца, — сказал Громмаш.

Воин рассмеялся:

— Во всяком случае, он знает, как надо умирать, — заметил он.

— Да, знает. — Из-за не прекращающихся атак Громмаш толком не мог ничего разглядеть, но одно было ясно: чужак был еще жив и продолжал сражаться даже лежа, отказываясь сдаваться. «Мои слова проникли ему прямо в сердце».

Очень жаль.

Один из четверки орков Песни Войны резко отпрыгнул назад, взревев от боли. Его левая ступня была вывернута под неестественным углом. Громмаш и остальные засмеялись. Так сильно пнуть, чтобы сломать себе ногу. Раненый орк, скрипя зубами и рыча, опять бросился с кулаками на чужака, целя тому в голову. Мгновение спустя раздался очередной крик боли, и тот же орк отполз прочь со сломанным запястьем.

Некоторые зрители замолкли. В том числе и Громмаш. Он видел то же, что и они: чужак орудовал цепью как оружием.

И это было лишь начало. Еще один удар, и колено другого орка оказалось раздроблено. Следующий удар пришелся третьему орку между ног, и тот упал как подкошенный. В считанные секунды чужак покалечил и оглушил трех соперников.

Ободрающие крики вокруг стихли совсем.

Последний оставшийся на своих ногах орк клана Песни Войны зарычал и отступил назад, чтобы не попасть под удар, тем самым позволяя чужаку подняться на ноги. Незнакомец дышал тяжело, но ровно. Он поманил к себе последнего противника. И они бросились друг на друга.

Громмаш смотрел во все глаза. Он не мог поверить в то, что видел. Ни капли страха. Ни капли сомнений. Истинное воплощение жестокости. Жажда крови трансформировалась в подлинную силу. Полностью сконцентрированный на победе разум не могло отвлечь ничто на свете.

«Он сражается, как я», — подумал Адский Крик.

Орк Песни Войны трижды ударил чужака в живот, затем схватил за горло. Незнакомец сложил вместе обе руки, замахнулся ими как молотом и ударил противника под подбородок. Челюсть орка схлопнулась, издав тошнотворный звук. На арену вылетело два зуба. Орк упал, закатив глаза.

Битва закончилась.

Три раненых бойца Песни Войны из последних сил старались подняться и продолжить драку с чужаком, хотя и так было очевидно, что они проиграли. Но этого требовали правила мак'рогана. Пока ты можешь сражаться, ты должен сражаться.

Чужой орк отступил от раненых на шаг.

— Доказал ли я, что у меня сердце воина клана Песни войны, Адский Крик? А они? — спросил он. — Или я все же должен их убить?

Громмаш не ответил. Он наблюдал. Слушал. Зрители перешептывались: «Он сражается... он сражается, как Адский Крик».

Орк с раздробленным коленом все-таки сумел подняться на четвереньки и пополз к чужаку, шипя от боли при каждом движении. Незнакомец отступил к самому краю арены.

— Вождь Адский Крик, я пришел сюда не убивать твоих воинов. Я пришел спасти их, — сказал он.

— Достаточно, — произнес Громмаш. — Бой окончен.

Раненый орк упал на землю.

Адский Крик спустился в яму, держа в руках Кровавый Вой. Чужак не двинулся с места. Весь клан затаил дыхание.

Громмаш остановился в шаге от чужака и пристально на него посмотрел. Татуировка на лице, шрамы, свирепые глаза, до боли знакомые черты. Стиль боя. Кандалы с изображением зверя, которого Громмаш никогда не видел.

— Что это? — спросил он тихим голосом.

— Это Сюэнь Белый тигр, знак Шадо-Пан, — ответил чужак.

— Чей знак?

— Я совершил длинный путь, Адский Крик, — чужак говорил совершенно спокойно. В его глазах читалось отчаяние, но ни капли безумия. — Сейчас мой путь не важен. Важен твой, и поэтому я здесь.

Шепот толпы все еще доносился до арены: «Он сражается, как Адский Крик».

Громмаш поднял над головой Кровавый Вой и ударил. Топор со свистом рассек воздух.

Клац.

Цепь между оковами разбилась, освободив руки чужака.

— Я еще никогда не встречал такого орка, — сказал Громмаш. — Идем. Поговорим. Но знай, — добавил он, поднеся лезвие Кровавого Воя к шее чужака.

— Если ты потратишь мое время впустую, если ты собираешься навредить моему клану, я отрублю тебе голову.

Ни один мускул не дрогнул на лице чужака.

— Если ты не придашь значения моим словам, так тому и быть. Потому что в таком случае моя жизнь для меня ничего не значит.

— Вот и прекрасно. — Громмаш поднялся с арены и направился к своей палатке. Чужак последовал за ним.

Часть четвертая

В шатре Громмаш зажег факел и сел на пол, жестом приглашая Гарроша последовать его примеру. Колышущиеся от дуновения холодного ветра шкуры, которыми были сплошь увешаны стены, переливались тусклыми отблесками огня.

Гаррош медленно опустился на землю. Боль в теле после схватки, похоже, будет напоминать о себе еще несколько дней, но никаких серьезных повреждений не было, он чувствовал это.

— В яме у меня было преимущество, — произнес Гаррош. Голос его звучал спокойно и твердо.

— Расскажи, какое же? — спросил Громмаш.

— Неожиданность, — Гаррош положил руки на колени. — Они считали, что когда я упал, со мной уже было покончено.

Вождь клана недовольно процедил:

— Ты преподавал им урок, который они должны были знать наизусть: твой противник не мертв, пока он точно не мертв.

— Уверен, этот же урок ты не раз преподавал и своим врагам, — сказал Гаррош. Громмаш Адский Крик... орк с железной волей... мой отец. Он еле сдерживал улыбку. — Мне интересно. Мак'роган. Я не знаю ни одного другого клана, у которого был бы такой обычай.

— А что вообще ты знаешь обо мне, незнакомец?

— Немногое, — осторожно ответил Гаррош.

Слева от Громмаша лежал бурдюк с вином. Он предложил Гаррошу выпить, но тот отказался. Вождь сделал большой глоток, затем заговорил:

— В свое время клан Песни Войны пережил очень тяжелые времена. Нас почти уничтожили огры.

Гаррош знал эту историю. Смерть его матери, перерождение клана Песни Войны, возникновение легенды Адского Крика.

— Ты тогда потерял любимую? Невыносимо тяжело терять семью.

— О ней мы говорить не будем, — в голосе Громмаша зазвучали металлические нотки.

В гневе он был страшен. Гаррош осторожно продолжил:

— Я слышал, Голка погибла в бою, предварительно отправив на тот свет несколько огров.

— В тот день мой клан дрогнул и проявил слабость. Бойцы остались позади, — в гневе прорычал Громмаш. — Я должен был показать Песне Войны, как надо смотреть в лицо смерти. Обагрять руки кровью и рвать зубами горло врага! — он отшвырнул пустой бурдюк в дальний угол шатра. — Мак'роган призван очистить мой клан от позора того дня. Любой, кто желает называть себя бойцом клана Песни Войны, должен пройти это испытание.

Гаррош не знал, что сказать. В этой истории явно было что-то еще, о чем он не слышал в детстве.

— Но твоя любимая, она...

— Я сказал: о ней мы говорить не будем.

«Что же я упускаю? — подумал Гаррош. — Достойная смерть почетна, даже если воин пал, проиграв бой. Если только не...»

На Гарроша вновь нахлынули воспоминания юности. Все это время, исполненный чувства вины и стыда, он носил имя, которое считал проклятым. А мы мало чем отличаемся друг от друга. Можно сказать, что и ничем.

— Я понимаю, что ты чувствуешь,— Гаррош аккуратно подбирая слова. — Мой отец погиб, не выпуская из рук топора, который только что вонзил в грудь врага. Хорошая смерть. Но дорога, которая привела его к славному концу, была вымощена бесчестием. И все только из-за одного неверного решения. Я слишком долго жил ослепленный ненавистью к нему. Бесплодная злость. Смерть твоей жены и трусость клана, возможно, до сих пор причиняют тебе боль, но сын, которого она тебе подарила...

— Сын? У меня никогда не было сына.

Громмаш смотрел в глаза Гаррошу так, будто заглядывал тому в душу. Гаррош не отвел взгляда.

— Я не знал, — вот и все, что он сказал.

Кайроз. Гаррош почувствовал, как невольно дернулась щека. Считать травинки. Тут он вспомнил, как пронзил грудь дракона и почувствовал на руках его горячую кровь. Это его успокоило. Он сделал глубокий вдох.

Я никогда не рождался на свет в этом мире. Громмаш никогда не становился отцом. Это бронзовый дракон и имел в виду под «идеальным временным потоком»?

Гаррош собирался с мыслями. Пора сказать ему, зачем я сюда явился.

— Ответь мне, вождь Адский Крик...

* * *

— Если бы ты мог вернуться в прошлое и спасти ее, ты бы это сделал? — спросил чужак. — Я бы сделал. Мой отец был орком чести. Его обвели вокруг пальца. Он заслуживал лучшего. Возможно, Голка тоже.

Разве ты не видишь, уже слишком поздно? Покончи с этим!

Лучшего... Громмаш нахмурился еще сильнее.

— Слова — это ветер. Ты же не можешь отправить меня в прошлое, поэтому оставим этот разговор, — сказал он. Голка. Он уже давно не произносил вслух ее имя. А откуда оно известно чужаку?

Незнакомец сунул руку за пояс.

— Нет, я не могу отправить тебя в прошлое, но могу показать тебе будущее, — он достал какой-то сверток, вынул оттуда зазубренный осколок стекла и положил его между ними. — С помощью этого ты избежишь непростительных ошибок.

Громмаш не стал трогать осколок.

— Это все время было у тебя?

— Да, вождь Адский Крик.

При желании этим и убить можно. А ты не достал его, даже когда четыре здоровых орка чуть не забили тебя до смерти? Мало кто бы устоял перед искушением.

— Что это?

Чужак улыбнулся.

— Один мой приятель называл его... «отблеском времени». Но он считал, что у него чересчур острые края, поэтому теперь этот осколок мой, — он постучал по стеклу. Раздался мелодичный звон. — Этот осколок докажет мои слова.

— Говори.

— Я хочу тебе кое-что рассказать. Об оружии, — глаза чужака сверкнули.

Громмаш слушал. Слушал о сжатой магической энергии, высвобождающейся в момент взрыва... о «мана-бомбах». Которые умеют

создавать могущественные и искусные существа, именуемые «волшебниками». Одна мана-бомба способна уничтожить целый клан.

— И такое оружие существует, — заметил чужак.

И продолжил описывать боевые машины, в существование которых просто невозможно было поверить. Устройства из металла и огня, способные разрушить самый твердый камень; вращающиеся лезвия – такие огромные, что достаточно лишь легкого прикосновения, чтобы порубить врагов на мелкие кусочки; осадное вооружение, годное как на суше, так и в море.

— Все это существует на самом деле.

— Я никогда не видел ничего подобного, — задумчиво произнес Громмаш.

— Пока не видел, — ответил чужак, — я объясню, как делать оружие, как им пользоваться, расскажу, каким образом ему могут противостоять враги. Но имей в виду, в одиночку клан Песни Войны не сможет все это производить. Понадобится помощь других кланов - их ресурсы и навыки.

Громмаш прищурился.

— В таком случае лучше отказаться от всего этого. Зачем я буду давать другим кланам то, что способно уничтожить мой собственный в мгновение ока?

Присоединение других кланов к Песне Войны может очень плохо закончиться для всех. Он указал за стены шатра.

— У нас самые плодородные земли в Награнде, дающие нам достаточно пропитания, есть укрытия, и мы можем охотиться здесь на протяжении долгих лет. Ни один клан не осмелится бросить нам вызов. Они знают, что за это придется дорого заплатить.

— Так вот как сейчас живет Песня Войны? Вы остановились на достигнутом и довольны тем, что у вас есть? И больше вам ничего не нужно? — губы чужака скривились в некоем подобии улыбки.

Эти слова задели Громмаша за живое, но виду он не показал. Что тут говорить, слишком частое и даже беспричинное проведение мак`роган свидетельствовало о том, что в клане далеко не все в порядке. Странно, насколько пронизателен этот пришелец.

— От простого желания добиться большего до потребности в твоём чудо-оружии путь не близок.

Подари мне, битва, смерть, какую я заслуживаю...

Громмаш тряхнул головой и решительно избавился от её голоса. Почему чужак постоянно напоминает ему о ней? Память о ней — это лишнее свидетельство позора его клана, и все же она не покидала его мысли.

— Все верно. Но тебе не следует бояться других кланов. Они не пойдут против тебя, Адский Крик. — Свет от факела маленькими огоньками отражался в глазах чужака. — Это оружие вы обратите против общего врага.

— Какого? — тут же ему в голову пришел очевидный ответ, и он рассмеялся. — Дренеев? Ты что, один из послушников Гул'дана? Он-то твердит об этом постоянно.

Гул'дан убеждал и Адского Крика, и наверняка вождей других кланов, что он нашел новый источник силы, который во всем превосходит искусство шаманов. Эта сила, как утверждал Гул'дан, может стать решающей в борьбе с дренеями. Громмаш даже не был уверен, что эти синекожие вообще представляют опасность, но все же от видений Гул'дана нельзя было просто отмахнуться.

— Так в этом все дело, чужак? Ты хочешь создать свое оружие для него?

— Нет, вождь Адский Крик. Я никогда не встречал Гул'дана...

* * *

— Но мое оружие остановит его, — неожиданно жестко закончил Гаррош.

В наступившей тишине чуть слышно потрескивал горящий факел, и шатер будто дышал своими стенами в такт налетающим порывам ветра. Гаррош читал подозрение в глазах отца. Но не к Гул'дану. К Гаррошу.

— Остановить Гул'дана. От чего же?

— От роковой ошибки. Он толкает тебя и всех остальных к рабству, — отчеканил Гаррош. — Гул'дан начнет войну, в которой орки не смогут победить в одиночку. Он соберет все кланы и предложит дар, который обеспечит им победу. В этот день...

Громмаш перебил его:

— Что за дар?

А вот об этом говорить уже было опасно — с вождем любого клана, но Гаррош рискнул. Ненависть к Гул'дану сквозила в каждом его слове.

— В этот день, вождь Адский Крик, ты первым примешь этот дар. И не потому, что слаб, а потому что не позволишь никакому другому орку так рисковать, — зрачки Гарроша сузились, а голос понизился до хриплого шепота. — Этот дар будет стоить тебе всего. Твоих мыслей, разума, воли... Ты станешь игрушкой в руках своих новых невидимых хозяев. Так обманули моего отца. И я здесь затем, чтобы так же не обманули и тебя.

Его отец чуть заметно приподнял бровь.

— Если то, что ты говоришь, правда, — медленно проговорил Громмаш, хотя было ясно, что услышанному он до конца не верит, — тогда нет и нужды в твоём оружии. Старейшины сами вырежут сердце Гул'дана. Быстрая и легкая смерть.

Быстрее и легче, чем заслуживает предатель.

— Гул'дан — марионетка. Погибнет он, его хозяева найдут другого исполнителя, возможно, даже через несколько поколений, когда я и ты и все

остальные, кто знает об этом, уже умрут, — сказал Гаррош. — У них слишком хорошая память, и они очень терпеливы, когда это требуется. Нет. Мы не дадим им такого шанса. Мы будем бороться с ними и победим.

Громмаш глубоко вздохнул.

— Ты толкуешь о чем-то совсем невразумительном. То есть меня обманет неведомый враг, мне предложат силу, о которой я даже не ведаю, и единственный способ избежать этой участи — овладеть секретом оружия, о котором я не имею никакого представления? — он покачал головой. — Слова — ветер. Как ты докажешь, что все это правда? С помощью вот этого? — и Громмаш указал на странный искривленный кусок стекла, все это время мирно пролежавший на полу между ними.

Гаррош кивнул.

— Да, вождь Адский Крик.

— Каким образом?

А вот этого Гаррош и сам толком не знал. По правде говоря, все, что у него было, так это одна лишь догадка. Правда, хорошая. Он вырос на руинах расколотого Дренора и часто посещал одно священное место, где умолял духов ответить на его вопросы и наставить на верный путь. Долгие годы духи хранили молчание.

Затем появился Тралл, и духи показали Гаррошу, как его отец искупил свою вину. Вот тогда он и обрел свой новый путь.

— Этот осколок надо отнести к Камням Пророчества, — сказал Гаррош. — Мою судьбу изменили духи Награнда. Уверен, они изменят и твою судьбу.

* * *

Громмаш задумчиво теребил подбородок. Камни Пророчества.

Многие шаманы из разных кланов отправлялись в паломничество к тем самым камням, но лишь немногие получали искомые ответы у духов, которые там обитали. «Только те, в чьих сердцах живет гром, узрят путь через бури судьбы», — гласила древняя пословица. Громмаш встречал мудрого старейшину-шамана, который присматривал за этим местом, но сам там никогда не бывал. Он же ведь не вождь Кровавой Глазницы, которому приходилось калечить себя в надежде хоть краем глаза увидеть свою судьбу. Громмаш предпочитал верить в то, что его судьба исключительно в его руках.

И все же чужак утверждал, что его направили духи. Любопытно.

— Ты шаман? — прервал молчание Громмаш.

— Нет.

— Ты можешь общаться с духами? — продолжал давить он.

— Нет, вождь Адский Крик, но я верю, что они тебе помогут, — ответил чужак.

— Почему?

— Судьба всего мира сейчас в твоих руках. Не только орков. Стихии откликнутся на нашу просьбу.

— А если нет? — спросил Громмаш.

Чужак ответил без колебаний:

— Отрубишь мне голову. Больше она мне будет ни к чему.

Громмаш медленно поднял Кровавый Вой и вновь приставил лезвие топора к шее незнакомца. Тот смело и открыто смотрел ему прямо ему в глаза.

— Ты предлагаешь опасную цену, чужак, — проговорил Громмаш.

— Лок`тар огар. Если я не смогу тебя убедить, значит, я проиграл.

Громмаш опустил топор и погрузился в глубокие раздумья. Этот орк — настоящая ходячая загадка. В голове Громмаша кружил вихрь вопросов, но вслух он не задал ни одного. Вопросы подождут.

Так что на самом деле важнее всего?

Судьба? Рабство? Честь? Воля?

Слабость.

Разве ты не видишь, уже слишком поздно! Покончи с этим!

Громмаш закрыл глаза. Слабость. Вот он ключ. Чужак, который был так силен, что одолел четырех воинов Песни Войны со связанными руками, который сражался так, словно обладал сердцем Адского Крика, этот чужак предупреждал Громмаша о слабости и утверждал, что может привести доказательства своим словам. И ради этого поставил на кон свою жизнь.

Что ж, стоит потерпеть этого странного чужака еще немного, ради того чтобы узнать правду. Клан Песни Войны никогда больше не должен проявить слабости.

«Сердце воина клана Песни Войны ничего не значит, если у тебя мозги огра», — сказал сегодня Громмаш. Ему самому пришлось дорого заплатить за этот урок. Он так стремился показать пример воли и мужества, что без раздумий ринулся в бой, в котором не мог победить. Невидимый враг ждал... нет, изначально рассчитывал... на его безрассудство.

Мне конец...

Громмаш открыл глаза и улыбнулся.

— Мы вместе отправимся к Камням Пророчества, чужак, я принимаю твои условиями, — сказал он.

Незнакомец посмотрел на него с благодарностью.

— Я рад.

Вождь клана глянул на синяки и шишки чужака.

— Тебе хватил сил не отставать в пути?

— Да.

Громмаш поднялся на ноги. Он выглянул наружу и увидел первые лучи солнца, поднимающегося из-за горизонта.

— Камни Пророчества не слишком далеко отсюда, по дороге и поговорим. Если нам действительно грозит большая опасность, как убедить в этом другие кланы? Я не пользуюсь любовью за пределами владений клана Песни Войны.

Чужак тоже поднялся.

— Но зато тебя уважают. А, кроме того, ты им предложишь военные трофеи, потрясающие воображение...

Вместе они вышли из шатра, утренний свет озарил их лица, на губах чужака играла легкая улыбка.

Часть пятая

Уже который день духи у Камней Пророчества не находили себе места.

А вчера после захода солнца смутное беспокойство переросло в панический страх. Судьба изменилась. Некто уже пришел. События меняют свой ход. Многоголосье превратилось в бессвязное бормотание.

Старейшина Жанак видал тут что и похуже. За те десятилетия, что он присматривал за камнями, он научился понимать стихии и мог сказать, что они были не спокойными, а очень даже энергичными, не бездействующими, а постоянно приспособляющимися. Иногда они впадали в гнев. Иногда внушали страх. Иногда желали говорить. Но уж точно не сегодня. Ни с Жанаком, ни с кем-то из паломников. Старейшина понимал и принимал все желания стихий — а что, собственно, ему оставалось? — и спокойно медитировал в тени. Иногда до него доносились обрывки того, о чем голосили духи.

Извращенная судьба... измененный... Чужой. Кто? Кто же он?

Все эти разговоры его не трогали. Судьба вообще хрупка. Порой духи соблаговольали даровать видение того, что могло быть, но лишь могло; или того, что было прежде, это да. Но управлять орками духи стихий не могли, даже если бы захотели. И они лишь говорили о том, что знали, а ведь и знали они далеко не все.

От раздумий его отвлек почтительный шепот.

— Старейшина Жанак, — перед ним стоял один из учеников шамана, — паломники прибыли.

Жанак даже не потрудился открыть глаза. Уже три десятка лет зрение его неуклонно ухудшалось, и все предметы, находящиеся на расстоянии больше длины двух вытянутых рук, казались ему лишь игрой светотени. Но какое это имеет значение, когда ты живешь среди духов стихий.

— Их трое, так?

— Четверо.

Жанак нахмурился. Духи знали о приходе только трех орков.

— Ты уверен?

— Один из них — вождь Громмаш Адский Крик. С ним два бойца клана Песни Войны.

— Вот как, — Жанак вытянул вперед иссушенную старческую руку. — Помоги мне подняться.

Ученик бережно помог ему встать. Колени старика предательски дрогнули, но устоять на месте все же удалось. Шаман удовлетворенно кивнул. Ничего, опираясь на палку, он достаточно долго продержится на ногах.

— Тебе лучше уйти, юноша.

— Нет.

— Это не просьба, — ласково сказал Жанак. — Мы с Адским Криком всегда находили общий язык, но сегодня, возможно, выйдет по-другому. Ему может не понравиться, если я попрошу его уйти. Мне уже бояться нечего. Он может лишиться меня головы за это, но что такого ценного я потеряю? Моя жизнь и так клонится к закату. Ты же лишишься гораздо большего. Так что иди.

Немного помешкав, ученик повернулся и ушел.

Жанак остался один в ожидании прихода орков Песни Войны и их странного гостя. Он внимательнее прислушался к становившемуся все тревожнее и громче шепоту духов.

«Это он. Он здесь. Он здесь. ОН ЗДЕСЬ».

Духов опять охватило беспокойство. Жанак крепче сжал свою палку. «Судьба хрупка, — мрачно думал он. — Посмотрим, удастся ли нам защитить ее сегодня».

* * *

— Клан Черной Горы не отличается гостеприимством, чужак, — сказал Громмаш Адский Крик. Он остановился возле небольшого камня посреди тропы. Два бойца клана Песни Войны следовали за ним на уважительном расстоянии. — Как и клан Изувеченной Длани. Им потребуется больше, чем безделушки и обещания.

— Как только они поймут, что можно завоевать другой мир, то пожелают лишь побольше долю от добычи. Тебе не придется отдавать Награнд, — ответил Гаррош. — Существует некое место под названием Стальгорн. Клан Черной Горы многое отдаст, чтобы им завладеть. Изувеченная Длань? Отдашь им земли близ деревни Сен'джин. Я даже помогу их захватить.

«И с превеликим удовольствием», — добавил он про себя.

Гаррош не выказывал охватившей его радости. Его отец со всей очевидностью всерьез обдумывал то, что он ему рассказал. Мысленно Громмаш уже возглавил объединенный народ орков — Орду. «Кажется, мне стоит поблагодарить тебя, Кайроз», — подумал Гаррош.

— А если кланам покажется, что ты предлагаешь им недостаточно, — добавил он, — расскажи о чудесах, которые мы отберем у дрениев.

— Ты же сказал, что Гул'дан лжет, говоря, что от них исходит смертельная угроза, — возразил Громмаш.

— Она от них и не исходит, но рано или поздно дрениев все равно встанут у нас на пути. Так лучше разделаться с ними заранее. Ты сам все поймешь, — сказал Гаррош.

Похоже, этот довод не убедил Громмаша до конца.

— Возможно.

Он погрузился в молчание и, пока они преодолевали последний подъем, больше не проронил ни слова. Они уже приближались к Камням Пророчества.

Там у дерева их ожидал старый орк.

— Старейшина Жанак, — окликнул его вождь, — рад тебя видеть.

Старик стоял, тяжело опираясь на палку.

— Сколько уж раз сменилась листва с тех пор, как последний раз мы встречались, вождь Адский Крик, но слухи о твоих победах достигали и моих ушей. Ты принес клану Песни Войны много чести, — произнес он с уважением и теплотой в голосе.

Гаррош шагнул вперед. Если мой отец считает его другом, значит, я должен делать так же.

— Приветствую тебя, старейшина. Я прибыл издалека и...

Старейшина прервал Гарроша.

— Знаю, — с неожиданной холодностью произнес он. — Как твое имя?

— Я просто странник и все.

— Как тебя зовут, иноземец? — яд так и сочился из каждого слова старейшины. Гаррош опешил от неожиданности. А старейшина поднял скрюченный палец и продолжил:

— Ты не здешний, тебя здесь быть не должно. Духам ненавистно твое присутствие. Одним своим существованием ты приносишь хаос в этот мир.

Гаррош оглянулся на отца и уловил тень сомнения, мелькнувшую у того в глазах. Этот старый шаман может все испортить.

— Я действительно из далеких краев, но...

— Я чую твою ложь еще до того, как она прозвучит, иноземец, — шаман уже шипел от злости. Медленно и осторожно переставляя ноги, он двинулся вперед, не отрывая взгляда от Гарроша, вены отчетливо проступали на морщинистой коже старого орка.

— Сама судьба отвергает тебя. Ты задумал перевернуть весь наш мир.

Гнетущее ощущение чего-то незримого охватило Гарроша. Духи и впрямь его ненавидели. Если бы ты только знал, что я с радостью проделал с твоим собратом в Дуротаре, то испепелил бы меня на месте. Гаррош потянулся за спиной за осколком и торопливо развернул ткань.

— Это докажет...

Шаман выбил стекло из его рук.

— Свои грязные уловки оставь при себе, — прорычал Жанак. Он сильно порезал руку об острые края, но, казалось, не замечал капающей на землю крови. — Вождь Адский Крик, если ты убьешь этого гнусного лжеца здесь и сейчас, то избежишь невыразимой боли и страданий. Каждый его шаг будет сопровождаться гибелью бесчисленных невинных жертв. Посмотрим, как он сейчас станет все это отрицать.

— Ничего я не буду отрицать, — огрызнулся Гаррош. И указал на лежащий в траве осколок. — Я действительно все изменю. Таков мой долг. И эта вещь покажет почему.

— Он сам подтвердил свою вину, — спокойно констатировал Жанак. — Убей его. Убей немедленно.

— Знаешь ли ты, старейшина, что бывает хуже смерти? — Гаррош изо всех сил старался говорить уважительно. Малейшее проявление пренебрежения могло настроить отца против него.

— Да, я не предвестник мира. Я предвестник войны. Хаоса. Смерти. Каждый из нас тысячу раз может умереть, корчась в агонии, и все равно это будет справедливой ценой за то, чтобы избежать уготованной оркам судьбы.

— Старейшина Жанак, — наконец вступил в разговор Громмаш, — этот чужак утверждает, что вскоре все орки станут рабами.

— Случится то, что суждено, — ответил Жанак.

Услышав это, Гаррош понял, что у него еще есть шанс.

— Нет. Я не стану сидеть сложа руки в ожидании забвения, — Гаррош обернулся к Громмашу и добавил:

— Как не станешь и ты. Я знаю.

— Жанак, — сказал Громмаш. — Я должен все увидеть сам. Если он обнаружил... слабость... в нашем народе, от нее необходимо избавиться.

Жанак покачал головой.

— Духи не станут говорить с тобой сегодня.

— У меня есть право спросить.

— Но у него нет, — Жанак вновь указал пальцем на Гарроша. — Захочешь взять его с собой, я буду вынужден вас остановить. Тебе придется меня убить.

Гаррош подавил искушение откусить старейшине его скрюченный палец. Я буду упиваться твоей смертью, старый болван.

— Я останусь тут со старейшиной, вождь Адский Крик. Возьми осколок. Поговори с духами. Это слишком важно, медлить нельзя.

Долгое время Громмаш стоял молча, как бы оценивая Гарроша взглядом.

— Старейшина Жанак, мне нужно это сделать. Я должен знать наверняка.

Лицо Жанака искривилось в болезненной гримасе.

— Хорошо. Тогда покончи с этим поскорее.

Громмаш осторожно поднял осколок.

— Ты останешься здесь, — приказал он воину-мужчине. — А ты пойдешь со мной, — обратился он к воину-женщине.

И вдвоем они удалились по тропе, ведущей к стоящим в отдалении камням.

Гаррош не проронил ни слова. Он молча наблюдал за отцом, игнорируя злобные взгляды старейшины. Оставшийся воин Песни Войны внимательно следил за Гаррошем.

— Если все для тебя плохо обернется, — сказал он, — бежать не советую. Твоя смерть будет куда легче, если ты смиренно примешь свою судьбу.

— Может, для меня все и плохо обернется, но если я не сумею изменить его судьбу, вам придется куда хуже, — ответил Гаррош, — и у меня нет ни малейшего желания быть этому свидетелем.

Воин что-то проворчал себе под нос. Гаррош смотрел на камни. Ожидание давило мертвым грузом.

Сейчас от меня ничего не зависит.

* * *

Громмаш ступил в центр круга из камней, передав Кровавый Вой следовавшей за ним воительнице.

— Не мешай мне и охраняй это, — приказал он ей.

— Да, вождь Адский Крик.

Воздух звенел от переполнявшей его силы. Каждое движение Громмаша, казалось, беспокоило духов. Жанак не солгал — они ненавидели чужака. Возможно, это означало, что нечего и надеяться получить ответы на свои вопросы. «Но за это заплатит чужак, а не я», — мрачно подумал Громмаш. Жаль будет отрубить голову такому выдающемуся орку, но слово есть слово.

Громмаш положил осколок на ладонь и внимательно его осмотрел. Крошечные вспышки бронзового света мерцали, словно в стекло были вплавлены песчинки. Завораживающая вещица.

Вероятно, существовало какое-то традиционное приветствие духов. Если и так, Громмаш его все равно не знал. Он будет говорить прямо. Если они не ответят, то так тому и быть.

— Чужак говорит, от моего выбора зависит судьба этого мира, — начал Громмаш, поднимая осколок. — Он утверждает, что доказательство этого скрыто в этом предмете. Докажете, что это не так, и он умрет здесь. Покажите мне истину, какой бы она ни была.

И тут вдруг воздушные потоки превратились в вихрь. Искры огня, капли воды и обломки камней завертелись в бешеном потоке и исчезли в стекле.

Громмаш не дрогнул, когда почувствовал, как осколок наполнился силой, даже когда в глаза ему ударил яркий свет, а среди Камней Пророчества возник туман, и неведомая сила потянула Громмаша куда-то прочь...

* * *

В мгновение ока Громмаш исчез. Плотная завеса тумана, какой Гаррош никогда не видел прежде — и уж точно не тогда, когда Тралл показывал ему видение, опустилась на круг камней. Воительница топталась у круга и наклонялась то вправо, то влево, стараясь разглядеть вождя в тумане.

Воин, стоящий рядом с Гаррошем, явно был испуган.

— Если ты убил нашего вождя, чужак, то примешь смерть вслед за ним, — рявкнул он.

Гаррош лишь покачал головой.

— Он в порядке, — при этих словах внезапный страх, сжавший сердце, только усилился. Как отреагируют духи, увидев иной мир, иное время. Испугаются? Могут ли они убить Громмаша? — Все идет как должно.

Это должно сработать. Уверенность. Нужно быть уверенным.

И тут в толще тумана вспыхнул яркий свет.

Старейшина Жанак воскликнул:

— Нет!

Два других орка обернулись. Шаман повалился на землю.

— Нет! — отчаянно кричал он. — Так не должно быть!

Воин опустился рядом с ним на колени и крепко держал старика за плечи, пока тот бился и извивался в его руках.

Он видит то же, что и мой отец. Гнетущее чувство отвращения и ненависти улетучилось. Как и духи. И они так же напуганы, как и старейшина Жанак.

Гаррош опять повернулся к Камням Пророчества и стал ждать.

* * *

Каждый миг мимо него проносились дни, недели, месяцы. Громмаш с трепетом наблюдал.

Все было правдой. Каждое слово чужака было истиной.

Война, в которой оркам не победить. Голубая кровь дрениев и темно-алая орочья смешались на поле боя. Объединенные силы орков под началом

Громмаша были неисчислимы и превышали все мыслимые пределы существовавших когда-либо армий. Это была она — Орда. Громмаш едва ли мог даже представить всю ее мощь. Чужак и близко не описал всех открывающихся перед ним возможностей.

Время продолжало свой бег. Он видел, как появилась новая сила — чернокнижники, и с их приходом началось медленное увядание земель. Он видел, как меняла цвет кожа орков, а зеленые пятна появлялись даже у тех, кто никогда не сталкивался с оскверненной энергией.

Он видел «чудо» Гул'дана, дар невообразимой мощи от невиданного благодетеля. И да... Громмаш был первым, кто шагнул вперед и испил этот дар.

И все же чужак ошибался. Громмаша мало волновала опасность, которой могли подвергнуться другие орки. Он будет первым, потому что не сможет противиться одной мысли: «Никто не будет сильнее меня. Ни на миг. Я никогда не буду слаб».

Адский Крик всматривался в пророческий туман и видел себя, пьющего светящуюся жидкость и ощущал ее действие так явно, словно был там. Он чувствовал, как изменяется его тело. Чувствовал клокочущую ярость, когда его кожа полностью стала зеленой. Чувствовал силу, охватившую все его естество.

— Я... я счастлив! — кричал он в своем видении. — Дайте мне впиться в плоть дрения! Дайте мне дренийской крови... я выпью ее столько, сколько в меня влезет! Дайте мне крови!

Это было невероятно.

И неправильно. Разум больше ему не принадлежал. Это он тоже чувствовал.

Туман увлек его дальше.

* * *

Старый шаман опять выкрикнул:

— Так не должно быть!

Он дрожал и бился в конвульсиях, веки оставались плотно сомкнутыми. С уголков рта капала слюна.

Воин Песни Войны то и дело поглядывал на Камни Пророчества.

— Он умирает? А где Адский Крик? — спросил он.

Гаррош указал на дорогу.

— Иди. Я останусь тут. Если нужно, вытащи Адского Крика из тумана.

Два раза орку повторять не пришлось. Он со всего духу помчался в сторону камней. Гаррош опустился на колени рядом с Жанакком. Он ощущал странное облегчение.

— Ты понимаешь? — спросил он у старейшины. — Вот почему я прибыл сюда. Чтобы остановить это.

Шаман, корчась и что-то бормоча, схватился за сердце, его пальцы впились в кожу. От раны на руке, где он порезался осколком, на робе оставались красные пятна.

— Не должно быть. Не должно. Не должно быть. Не должно.

Его дыхание стало быстрым и прерывистым. Он распахнул глаза.

— Надежда еще есть. Искупление. Избавление.

— Да, — согласился с ним Гаррош. — Избавление. Именно поэтому я и здесь.

Он сжал руку старого орка и почувствовал бешеное биение пульса. Тот умирал? Возможно.

— Я дарю нашему народу избавление.

Жанак, казалось, его не слышал.

— У Адского Крика есть сила духа. Мужество, чтобы все изменить.

— Да, — согласился Гаррош.

— Мужество, чтобы сопротивляться. Сражаться. Объединить всех орков.

Повести за собой.

Гаррош сел, скрестив ноги, и положил голову шамана себе на колени.

— Да. Все это и даже больше, — он осторожно похлопывал старейшину по плечу. По крайней мере, сейчас старый глупец понимает.

— Мир... мы можем увидеть мирное время...

Рука Гарроша застыла на весу.

* * *

Лок'тар огар. Победа или смерть. В видении было и то, и другое. Победа в войне с дренеями и затем смерть этого мира, разрушенного магией скверны.

Сами стихии будут повержены в прах. Громмаш чувствовал, как их смятение сотрясает Камни Пророчества. Это видение поразило их не меньше, чем его.

А вот уже Гул'дан предложил захватить новый мир. Азерот. Орда прорвалась через портал, повсеместно одерживая победы, разрушая города и убивая всех, кто стоял у нее на пути.

Упоение триумфом длилось недолго. Когда Орда потерпела поражение, ее разгром был полным и бесповоротным. Выжившие орки попали в плен и отправились в лагерь.

И они этому не сопротивлялись!

Даже бойцы клана Песни Войны. Они не сопротивлялись. Их оскверненная сила исчезла без следа.

Наши души. Наши души пропали. Громмашу хотелось завывать.

* * *

Жанак сосредоточенно вглядывался в лицо Гарроша.

— Ты видел. Ты знаешь. Объединенный народ. Один за всех и все за одного. Великий. Адский Крик может привести нас к такому будущему. У него есть сила духа. Великий...

— Это Орда, старейшина, — произнес Гаррош.

— Адский Крик способен вынести это. Преодолеть. Осквернение не станет концом, — по лицу Жанака потекли слезы. В его голосе зазвучали нотки радости и надежды. — Один мир в руинах, но другой сильнее, чем когда-либо. Жертва Адского Крика спасет всех нас. Ты видел это...

Шаман затрясся всем телом — видение вновь увлекло его за собой.

Гаррош огляделся. Два воина нерешительно топтались у края тумана, явно раздумывая, не стоит ли уже прервать видение. Кроме них вокруг никого. Если у шамана и были помощники или ученики, то рядом их не наблюдалось.

— Я видел, старейшина, — откликнулся Гаррош. Одной рукой он зажал шаману ноздри, другой крепко закрыл ему рот. — И снова смотреть не буду.

Из-под пальцев Гарроша раздавалось приглушенное мычание, шаман не мог сделать ни вдоха. Руки Жанака судорожно цеплялись за Гарроша.

— Предки окажут тебе теплый прием, — глядя прямо перед собой, тихо промолвил Гаррош.

Он ждал, когда стихнет мычание, прекратятся судороги и остановится сердце. И вот все было кончено. Но он все равно досчитал для верности до тридцати и только потом убрал руки.

Затем он бережно опустил шамана на землю.

— Предки действительно тепло тебя примут, — ничуть не кривя душой, повторил Гаррош. Старейшина вызывал уважение даже у Громмаша Адского Крика. Жаль, что ему пришлось умереть.

Гаррош зашагал в сторону Камней Пророчества. Возможно, стихии придут в ярость из-за его поступка. А может, даже и не заметят. Видение, похожее, полностью их захватило.

И кстати...

Кровавый Вой сейчас находился в руках у одного из бойцов Громмаша. Гаррош улыбнулся и потянулся к топору.

* * *

Плен. Страх. Смерть. Даже чудом избежавшие лагерей орки влачили жалкое существование в землях чуждого мира. Даже сам Громмаш Адский Крик, орк с железной волей, орк с сердцем гиганта, грозный предводитель клана Песни Войны... вел безнадежную битву с апатией и отчаяньем, день за днем скрываясь от победителей и тайно мечтая о смерти.

В его голове все звучал ее голос. Голос Голки. И он наконец-то понял. Она не проявила слабости. Ни на миг. Как он раньше этого не видел?

Подари мне, битва, смерть, какую я заслуживаю...

— Не может быть! — зверем взвыл Громмаш. — Так не должно быть!

Стихии разделяли его чувства. Так. Не должно. Быть. Демоническая скверна почти уничтожит и их. Все будут страдать.

Это не должно произойти. Никогда. Громмаш чувствовал, как его наполняет решимость. Решимость и злость. Мой клан никогда не падет так низко. Любой ценой я избежу такой судьбы.

Любой.

Видение все длилось. Вот выращенный людьми орк, и они заставляют его драться себе на потеху. Хоть орк и был силен, его непрестанно унижали и избивали. Ему дали имя Тралл. Но вскоре он начал мечтать о побеге и...

— Глупцы! Вытаскивайте его оттуда!

Голос доносился извне. Громмаш не обратил на него внимания. Что сейчас может быть важнее видения? Туман показывал, как орк учится читать и...

— Видение убило шамана! Нам нужно его прервать. Быстрее!

Рукоять Кровавого Воя застила взор — его настоящий взор — и резко пошла вниз. Боль пронзила запястья Громмаша. Он рефлекторно разжал руки и выронил показывающий столь ужасающие видения, осколок. Туман исчез. Картины пропали, звуки стихли.

Все кончилось.

Хватая ртом воздух, Громмаш упал на колени.

— Вождь Адский Крик! — чужак опустился рядом с ним. — Все в порядке?

Громмаш медленно приходил в себя. Очень медленно. Он не поднимал головы, пока не выровнялось дыхание. Вокруг них все еще вихрились воздушные потоки. Стихии были в смятении.

Наконец Громмаш поднялся.

— Отдай, — он протянул руку. Чужак передал ему Кровавый Вой. — Зачем ты вмешался?

Чужак указал на место за пределами круга камней, где под деревом лежал шаман.

— Видение убило старейшину, Адский Крик, — ответил он. — Я даже не представлял, что оно может быть настолько опасно. Я боялся, оно убьет и тебя.

— Его сердце не выдержало того, что я видел, — Громмаш схватил чужака и отшвырнул к камням. В следующую секунду Громмаш уже приставил Кровавый Вой к горлу иноземца. — Что было дальше?

— Что? — переспросил пришлый орк.

— Я видел рабство и смерть. Не может быть, чтобы так все закончилось. — Лезвие Кровавого Воя прижималось все плотнее, почти рассекая кожу. — Что стало со мной? С моим кланом?

— Ты боролся до конца, Адский Крик. И ты, и другие, — чужак говорил с трудом, словно ему нелегко было это признать. — Но было слишком поздно. Наши сердца вырвали с корнем. Теперь ты видишь? Платой за силу Гул'дана станет...

— Все, — хриплым голосом закончил за него Громмаш. Медленно он опустил Кровавый Вой. — Мы отдадим все.

— Да. Но ты видел и кое-что еще, Адский Крик.

Взгляд Громмаша был взглядом загнанного зверя.

— Что?

— Ты видел, что такое мощь единства, — тихо сказал чужак. — Все орки, идущие под одним знаменем. Представь это же, но только без всяких хозяев. Никакой скверны. Представь. Орда под предводительством Песни Войны. Что остановит нас? Какой мир сможет устоять?

Громмаш отвернулся. Он еще не полностью пришел в себя.

— Слабость. Я думал, что силен, и это привело меня к краху.

Ох, Голка. Клянусь, что буду силен, как ты. Если я паду, то паду в бою... Я пролью реки крови, чтобы избежать той судьбы, что показал мне чужак. Даже собственной. Клянусь.

— Да, Вождь Адский Крик, — согласился чужак. — Но теперь ты знаешь, чему противостоишь. Есть враги, мечтающие нас поработить. Хозяева Гул'дана. И еще те, из другого мира. Кто, кроме тебя, примет такой вызов? Кто, кроме тебя, станет отцом всех кланов?

Никто. Больше никто. Никто, кроме него, не мог знать их страшную судьбу. Никто, кроме него, не сделает все возможное и невозможное, чтобы ее избежать.

— Тот, другой мир, одолел нас. Они сильны. Мы должны стать сильнее, — Громмаш чувствовал, как в душе рождается настоящая буря. Я стану сильнее. — Мы можем пасть, чужак, но даже если и так, мы погибнем, борясь, верно?

— Лок'тар огар, — ответил чужеземец.

Два воина Песни Войны негромко повторили:

— Лок'тар огар.

Громмаш поднес Кровавый Вой к глазам, изучая собственное отражение в полированном металле.

— Мы никогда не будем рабами. Ни в этом мире, ни в каком другом.

«Любой ценой избежать такой судьбы», — подумал он вновь. Громмаш еще раз посмотрел на свое отражение, затем перевел взгляд на чужака.

— Ты мне кое-кого напоминаешь.

— Кого?

Ее. Вслух этого Громмаш не произнес. Это было просто невозможно. Но разве он только что собственными глазами не видел невозможное?

— Никого, забудь. Сколько у нас времени, чужак?

— Несколько месяцев точно. Больше ничего не могу сказать.

— Нам нужно сохранить все это в тайне от Гул'дана. Лучше, чтобы он ничего не знал до последнего, — он обернулся к двум своим бойцам. — Бегите в лагерь. Передайте разведчикам мой приказ: быть в полной боевой готовности. Нам понадобится тайно оповестить все остальные кланы. Вперед!

Орки не стали мешкать. Громмаш и чужак проводили взглядом умчавшихся прочь бойцов.

— Надо предупредить всех, что нельзя даже думать о новой силе Гул'дана, — прорычал Громмаш. — Это будет нелегко.

— Несомненно.

Громмаш одарил чужака долгим взглядом.

— Ты будешь сражаться вместе с Песней Войны?

— До самой смерти.

— Я так и думал, — сказал вождь клана. — У тебя воистину сердце орка клана Песни Войны. Оставайся со мной. У нас впереди долгий путь.

Глаза чужака загорелись.

— Я буду счастлив следовать этому пути.